

Е. В. БАРСОВ

Памяти Н. Ф. Федорова

Сегодня в Скорбященском монастыре, веющем тишиною и уединением, уносящем земные скорби, отпеваётся и погребается Николай Федорович Федоров.

Это был человек необыкновенно возвышенного духа, и притом такой, жизнь которого от дней юности до преклонной старости строго и неуклонно отвечала нравственному, истинно христианскому совершенству.

Он укрывался от взоров мира, и его не знала Москва ни именитая, ни торговая, ни промышленная, ни рабочая.

Пред его гробом стоит теперь лишь небольшой мыслящий ученый кружок с истинною скорбию и сожалением. Кажется, не только в Москве, но и во всем мире не осталось уже столь верного себе сына Церкви, который самоотверженно нес крест Христов, шел по Его стопам и жалел и любил бедное человечество так, что всецело приносил ему в жертву и свои силы, и труд, и последнее свое достояние.

Не для того он жил, «*да послужат ему*», но неизменным правилом жизни его было — *послужить другим*.

Пензенский уроженец¹, большую часть своей жизни он провел в Москве и служил при библиотеках Чертковской, Румянцевской и Главного московского архива Министерства иностранных дел².

В самом себе он носил богатую сокровищницу знаний по всем отраслям наук естественных и общечеловеческих и был живою указкой для всякого умственного труда. Нередко являлся он на службу раньше урочного времени, чтобы разыскать для посетителя то, чего он не знал, но что ему существенно нужно для его научной задачи. Немедленное удовлетворение всякого книжного требования было его обязательным правилом. И сколько потому благоговейного уважения и благодарных чувств к нему таится ныне в сердцах и старых, и молодых ученых, и вообще всех, соприкасавшихся с его службою и с его внутренним богатым миром!

Поистине, жаль души его, уносящей от текущей умственной работы и сокровища знания, и любвеобильную помощь!

Он не искал на службе ни повышения, ни чинов, ни окладов. Когда покойный директор Дашков предложил ему высшую должность, с содержанием в тысячу рублей, он отказался и умолил отдать эту должность своему товарищу, который, как человек семейный, больше нуждается в средствах³.

Уже одни эти факты показывают его возвышенную и благородную душу. Но его изумительное самоотвержение, его нестяжательность еще ярче сказываются в его неизменных правилах и чисто иноческом образе жизни.

Всякие внешние удобства и заботы о них были ему совершенно чужды. Он носил крайне дешевые одеяния и, можно сказать, всегда ходил в рубище. Получая не больше 50 руб. в месяц, он тратил из них лично для себя: 5 руб. за комнату и 5 руб. на стол. Понятно, что при такой трате он питался всегда сухоядением и горячее кушанье мог принимать только раз в неделю. При этом всегда устраивал свою жизнь так, чтобы не быть для хозяйки комнаты ни малейшею помехою или стеснением, во всем приравниваясь к ее порядкам жизни.

Все остальное, что он получал, отдавал ежемесячно убожеству и нищете, горе коих он знал и спешил облегчить своею жертвой. Заметим, что он оставался при этом глух к так называемым городским почечительствам, — благотворительность *не во имя Христа*, а во имя какого-то *участка* была ему противна: бездушна она и не имеет никакой нравственной цены.

И этот величайший инок среди мира, этот сокровенный друг и благодетель бедности, неведомый миру, в своем мирозерцании жил и дышал «истиной воскресения мертвых и жизни будущего века». Эта истина, как луч, озаряла всю его жизнь и пылала в очах его на смертном одре. Это был и последний его завет, который поручил он нам передать человечеству.

Не касаясь его умозрения, имеющего характер глубоко философский, мы выразим лишь его думы, волновавшие его на смертном одре.

Смерть есть одно из величайших зол, разлагающих живой организм на грубые материальные силы. В борьбе с нею, в восстановлении и оживлении бездушных сил, к чему призван человеческий дух, состоит всеобъемлющая любовь, могущая оживотворить умершее человечество.

Торжеством такой любви служит Пасха, возвещающая переход от смерти к жизни, от времени к вечности.

«Москва, — говорил почивший на смертном одре, — есть Третий Рим, собравший православное христианство⁴: он может быть и пусть будет союзом для борьбы против бездушных сил, для вос-

---

становления и оживления их в организмы, соответствующие личному отделенному духу...»

«Правду говорил Серафим Саровский: не для одной же мощи призван жить человек.

Он пел пасхальный канон перед Новым годом и предсказал недоумевавшим, что наступит момент, когда этот канон будут петь в его монастыре и летом, что и исполнилось в нынешнем году, при открытии его мощей⁵.

О, как бы было хорошо, если бы Москва, по его примеру, встретила Новый год пасхальным каноном! Это был бы призыв к новому направлению жизни в духе всеобъемлющей любви христианской».

Вот мысли, которые он на смертном одре завещал нам объявить Москве православной.

Он был другом нашего знаменитого философа Вл. С. Соловьева, который и воспользовался некоторыми его мыслями относительно Востока⁶.

Одно время он был близок к Льву Толстому, но затем навсегда отшатнулся от него и на смертном одре вспоминал его и называл его «поддельным христианином, фарисеем и лицемером».

Мир твоему шествию, великая смиренная и чистая душа!

Блаженни чистии сердцем, яко тии Бога узрят.

